Заглавие документа:
Чикалова И.Р. ЖЕНСКИЙ И ДЕТСКИЙ ТРУД В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И США В XIX ВЕКЕ // ЖЕНЩИНЫ В ИСТОРИИ: ВОЗМОЖНОСТЬ БЫТЬ УВИДЕННЫМИ: СБОРНИК НАУЧ. СТ. ВЫП. 2 / ПОД РЕД. И.Р. ЧИКАЛОВОЙ. – МИНСК: БГПУ, 2002. – С. 148–170.
Автор: Чикалова Ирина Ромуальдовна
Тема: Всеобщая история
Дата публикации: **2002**
Издатель: Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка
Аннотация: *Статья посвящена вопросам привлечения к работе на промышленных предприятиях детей и женщин в странах Западной Европы и США в XIX в. Отражено движение за улучшение условий труда этих категорий наемных работников и принятие первых фабричных законов, направленных на ограничение их эксплуатации, в европейских странах и США.*

Развернувшаяся в XIX в. модернизация Европы принесла перемены, определявшиеся не только завершением промышленной и аграрной революций, демократизацией общественной и политической жизни, подъемом художественной и духовной культуры, но и новым стилем повседневной деятельности и быта людей. Городские жители раньше других получили возможность пользоваться многими изделиями, являвшимися роскошью еще в 1830-е гг., но к концу XIX в. ставшими обыденными. Одежда, постельные принадлежности, мебель стали разнообразнее и обеспечивали больший комфорт. Газовое и керосиновое освещение постепенно уступало место электричеству. Рельсовый транспорт — сначала конки, а затем трамвай и метрополитен — облегчили внутригородские перемещения. Городскую разобщенность помогал преодолеть появившийся еще в 1870-х гг. телефон, который вскоре завоевал такую популярность, что к концу первого десятилетия XX в. емкость многих городских телефонных сетей исчислялась десятками тысяч абонентов.

Осознание того, что хорошее жилье является одной из основ социального мира, побуждало городские власти к расширению муниципального строительства. К концу XIX в. внешний вид промышленных городов, населенных преимущественно рабочими, резко изменился. Улицы избавились от грязи и лачуг, на месте которых возводили большие каменные дома. В Париже первый комплекс коммунального недорогого жилья с помпезным названием “Город Наполеона” ввели в 1851 г. В Великобритании в 60—90-х гг. XIX в. приняли ряд законов, предусматривавших реконструкцию или снос непригодных для проживания домов. Значительное строительство велось акционерными обществами. Возведенные ими дома были более комфортны, чем муниципальные.

Созданием более благоприятных жилищных условий для рабочих начали заниматься фабриканты: промышленники поняли преимущества сохранения стабильной рабочей силы и патерналистского подхода к своим рабочим. Во Франции первыми среди индустриальных компаний стали обеспечивать своих

рабочих семейными домами угольные шахты. В Великобритании начало фабричному жилищному строительству положил владелец фабрики по производству мыла Левер, который в 1887 г. перенес свое предприятие в окрестности Ливерпуля и построил “образцовую деревню” из домов коттеджного типа для рабочих. Его примеру последовали и другие промышленники[1]. Все они руководствовались не столько филантропическими побуждениями, сколько трезвым расчетом: лучшее жилье привязывало рабочих к фабрике, сдача домов внаем сама по себе приносила прибыль.

В 1850—1860-е гг. фабрики начали производство швейных машин. Их ежегодный выпуск одна только фирма “Зингер” к концу века довела более чем до 600 тыс.[2] Швейные машины стали необходимой принадлежностью чуть ли не каждого дома. Облегчилось не только шитье. К концу века во многие дома пришли водопровод, центральное отопление, газ, а затем и электричество. Женщины освобождались от многих прежде неизбежных хозяйственных дел, поскольку промышленность поставляла пищу, одежду, предметы обихода не только в изобилии, но лучшего качества и дешевле, чем это могло быть произведено в домашних условиях. Медленно, под влиянием идей либерализма, призывов известных общественных деятелей, активности женских организаций менялось и общественное мнение в отношении положения женщин. Стали складываться существенные предпосылки к их включению в активную деятельность вне дома.

Индустриализация открыла женщинам из семей, зарабатывавших на жизнь собственным физическим трудом, новые возможности. Внедрение машинной техники в ходе промышленной революции упростило производственные операции, свело трудовые функции к выполнению сравнительно простых приемов и допускало использование элементарно обученных, малоквалифицированных работников. К тому же применение паровых двигателей требовало меньше физической силы для обслуживания станков, особенно в текстильной промышленности, а это позволяло заменять мужчин женщинами. На производстве дешевый женский и детский труд стал повсеместным и широко распространенным явлением. Текстильные фабрики эпохи промышленной революции, возможно, вообще не были бы построены, если бы их владельцы не рассчитывали на постоянный приток дешевой женской рабочей силы. Женщины стали существенной частью новой рабочей силы, обреченной на длинные часы работы на механизированной фабрике с полным отсутствием возможности проявить собственную инициативу. Во Франции женщины составляли 56-57% (в 1838 г.) персонала текстильной промышленности и 24,1% (в 1847 г.) — в мастерских, в каждой из которых работало более 10 человек[3]. Среди фабричных рабочих Великобритании в 1839 г. женщин насчитывалось 57,7%[4]. Даже в

---

[1] Брюсов А. Жилище. История жилища с социально-экономической точки зрения. Л., 1926. С.87–88, 100.
[2] Техника в ее историческом развитии. 70-е годы XIX—начало XX в. М., 1982. С.35.
[3] Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. В 7 т. М., 1976. Т.1. С.128.
[4] Подсч. по: Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 9 т. М., 1984. Т.1. С.350.

государствах Германии, где промышленная революция проходила позже, в 1848 г. количество фабричных и ремесленных рабочих-женщин достигало 18%[5].

В США рабочая сила текстильных фабрик почти с самого начала промышленной революции состояла преимущественно из молодых женщин (65 тыс. из 100 тыс. в 1822 г.)[6]. Женщины-работницы преобладали на предприятиях по производству обуви, пуговиц и перчаток; они были широко представлены в отраслях, не ассоциировавшихся раньше с традиционными женскими работами — в высокомеханизированной обувной промышленности, изготовлении сигар и переплетном деле[7]. В 1850 г. промышленные предприятия США на четверть были укомплектованы женщинами[8]. Число отраслей производства с преобладающим женским трудом постоянно возрастало. Судя по переписи 1900 г., в США на каждую 1000 занятых приходилось: в белошвейном производстве — 994 женщины, в производстве предметов моды — 980, в швейной промышленности — 968, на трикотажных фабриках — 728 работниц, в целом же во всех отраслях общественного производства женщины составляли 18,8%[9].

Условия труда. Приведенные цифры важны не только как показатель роли женщин в экономике своих стран, но и по другой причине: какая часть женского населения изменила свой статус, и собственную жизнь под воздействием работы вне дома. Это важно в связи с хорошо известным фактом, что промышленная революция привела к понижению уровня и качества жизни значительной части фабричного пролетариата. В бедственном положении находились, например, английские рабочие, покинувшие разорявшуюся деревню и вынужденные от безвыходности положения соглашаться на любые условия заводского труда. В одном из описаний, появившемся в 1851 г., говорится: “Как, например, живет рабочий народ в Манчестере? Рабочие, занятые на хлопчатобумажных фабриках, встают в 5 часов утра, работают на фабрике с 6 до 8 часов, потом... пьют жидкий чай или кофе с небольшим количеством хлеба... и вновь работают до 12 часов, когда дается часовой перерыв на обед, состоящий обычно из вареного картофеля у тех, кто получает низшую заработную плату... Те, кто получает высшую заработную плату, присоединяют к этому мясо — по крайней мере, три раза в неделю. По окончании обеда они вновь работают на фабрике до 7 часов вечера или позже, затем вновь пьют чай, часто с примесью спирта и с небольшим количеством хлеба. А некоторые второй раз едят вечером картофель или овсянку... Питающееся таким образом население живет скученной массой в домах, отделенных узкими, немощеными, зараженными улицами, в атмосфере, пропитанной дымом и испарением большого мануфактурного города. А в мастерских они работают в течение 12 часов в день в расслабляющей, разгоряченной атмосфере, часто насыщенной пылью от хлопка, с нечистым воздухом от постоянного дыхания или от других причин, — будучи при этом

---

[5] Германская история в новое и новейшее время. М., 1970. Т.1. С.215.
[6] Degler Carl. Out of Our Past. The Forces That Shaped Modern America. Third Edition. New York. 1984. P.130.
[7] Ibid. P.385.
[8] Трагер Дж. Великие женщины. Хроника. События. Факты. С.308.
[9] Бебель А. Женщина и социализм. М., 1959. С.273—275.

заняты делом, поглощающим внимание и требующим неослабной затраты физической энергии в соперничестве с математической точностью, беспрестанным движением и неистощимой силою машины... Домашним хозяйством рабочие пренебрегают, домашний уют им неизвестен..., помещения грязны, неуютные, непроветривающиеся, сырые... В знаменитом морском порте Ливерпуле, прославленном по всему свету за величину и богатство, от 35 до 40 тысяч населения живет ниже уровня почвы — в погребах, не имеющих вовсе стока... Таковы условия, в которых живет беднейший, низший класс городского населения. Хотя было бы ошибочным думать, что все рабочие живут в таких же условиях, как эти несчастные, однако, еще большей ошибкой было бы предположение, что масса народа принимает участие в том, что обычно считается за “улучшения нашего времени”[10]. Описанная ситуация напрямую или опосредованно касалась и женщин. В 1840 г. британская правительственная комиссия в своем докладе обратила внимание на факты тяжелейших условий их труда. Женщин, используя в качестве тягловой силы для перевозки угля в шахтах, впрягали, как лошадей, в вагонетки. Эксплуатация женского труда превратилась в настоящее бедствие и не только в этой, но и в других странах Европы. Врач и социолог Виллернс в 1847 г. писал: "Надо видеть, как каждое утро они приходят в город и каждый вечер возвращаются обратно… Встают в четыре утра, идут пешком несколько километров, таща с собой своих детей, и вечером снова проделывают тот же путь после 12—13 часов работы в ужасающих условиях"[11].

Общественные деятели и публицисты XIX в. расценивали участие женщин в промышленном производстве в негативном свете в связи с изнурительным характером труда, дискриминированным сравнительно с мужчинами материальным положением, отвлечением от семейных обязанностей. При всей обоснованности оценки статуса работниц как дискриминационного, сами женщин подчас не драматизировали свое положение в фабричном мире. В сопоставлении с работой, которую дочери фермеров и крестьян выполняли дома, фабричный труд, на первый взгляд, хорошо оплачивался и сулил лучшие возможности. И действительно, с чем сталкивалась женщина, работая на ферме или в крестьянском хозяйстве? На крестьянку ложились заботы о коровах, молодняке, свиньях, домашней птице, огороде, выращивании корнеплодов, мака и льна, приготовлении пищи, выпечке хлеба, переработке молока в масло и сыр, консервировании мяса, плодов и капусты, варке обеда и стирке белья. Женщины постоянно выполняли тяжелейшие физические работы. В Финляндии пахота и посев были занятием женщин, тогда как мужчины занимались лесным хозяйством, рыбной ловлей и охотой. Но имели место случаи, когда и женщины работали на лесоповале и заменяли одного из мужчин при распилке деревьев ручной пилой. О ситуации в Тироле середины XIX в. сообщается: "Но тяжелейшей работой всегда остается переноска сена. Мужчины переносят охапки весом от 120 до 150, а женщины от 50 до 80 фунтов по горным склонам, то круто

[10] Джонстон У. Англия в политическом, социальном и промышленном отношении в половине XIX века // Лавровский В. Английский капитализм во второй половине XIX века. М., 1925. С.45-46.
[11] Трагер Дж. Великие женщины. Хроника. События. Факты. М., 1999. С.253, 256.

поднимающимся вверх, то резко опускающимся вниз… Как правило, весь урожай переносится на спине. Этот тяжелый труд изменяет фигуру женщин, делая ее придавленной и раздавшейся. И если хозяин-муж суров и не жалеет свою жену, выкидыш становится обычным явлением"[12]. Но угнетала не только тяжесть труда, но и моральная ущербность в связи с мужским доминированием, характерным для большинства крестьянских сообществ. Распространенная в Южной Франции пословица утверждала: “Недостоин быть мужчиной тот, кто не является господином своей жены”[13].

Спрашивается, так ли уж боялись тяжелых фабричных условий привычные к тяготам крестьянской жизни женщины, рассчитывавшие на лучшее существование в городе и, бывало, не разочаровывавшиеся в своих ожиданиях? Особенно, когда общественные движения заставили предпринимателей с большей гуманностью относиться к работающему персоналу и улучшить условия труда. Хозяева упоминавшихся фабрик в Лоуэлле создали систему пансионов — общежитий с организованным питанием, и у родителей возникала иллюзия, что их дочери будут жить в здоровом окружении. Письма, посланные домой, часто свидетельствовали об удовлетворенности молодых женщин своим новым положением. “Фабричная девушка” из Массачусетса Люси Энн выразила этот новый взгляд на смысл своей работы с полной определенностью: “Я скопила денег на образование, и разве я не имею права на это? Или я должна отправиться домой и, как примерная девочка, отдать деньги отцу в руки, а значит, распрощаться с моими кровными сбережениями?”[14]. Другими словами, на первый план вышел мотив финансовой независимости, которую принесла женщинам, особенно незамужним, работа на производстве.

В этом аспекте приход женщин на фабрики имел и свои положительные стороны. В работе на фабриках все больше стали видеть не только способ оказания помощи семье, но и средство личного самоутверждения. Появившаяся благодаря индустриализации возможность работать вне дома ослабила зависимость женщины от отца или мужа. Обобщая сложившуюся ситуацию, Дж.М. Тревельян замечает: “Женщины, которые шли работать на фабрики, хотя и теряли некоторые ценные преимущества своей прежней жизни, зато обретали независимость. Деньги, которые они зарабатывали, были их собственными. Фабричная работница занимала определенное экономическое положение, которое с течением времени стало возбуждать зависть других женщин”[15]. Можно сказать, экономическая независимость приносила женщине освобождение от диктата семьи.

Детский труд. Детский труд тоже нашел широкое применение на фабриках. Однако эксплуатация детей не была исключительным следствием промышленной революции. Дети во множестве трудились в кустарном производстве и на

---

[12] Цит. по: Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII — XX вв.) М., 1997. С.30.
[13] Цит. по: Там же. С.31.
[14] Эванс С. Рожденная для свободы. История американских женщин. М., 1993. С.90.
[15] Тревельян Дж. М. Социальная история Англии. Обзор шести столетий от Чосера до королевы Виктории. М., 1959. С.493.

мануфактурах, причем даже наиболее ревностные филантропы того времени всячески содействовали распространению детского труда. И.М. Кулишер приводит на этот счет следующий факт: “Какой наивной радостью преисполнялись люди XVIII века, когда им удавалось доставлять детям полезную работу в возможно раннем возрасте: конгресс, заседавший в Раштадте в 1714 г. по поводу заключения мира, решил устроить прядильню для бедных детей, — она должна была наилучшим образом увековечить деятельность конгресса”[16]. Точно так же в Англии приходы раздавали детей-сирот кустарям. Такое применение детского труда встречало у современников полное одобрение. На промышленников, получавших не только даровую рабочую силу, но и денежную плату за “обучение” детей, смотрели как на благодетелей. В Германии и Австрии правительства выдавали премии владельцам мануфактур за каждого мальчика и девочку, взятых на работу. В Пруссии в XVIII в. имелись мануфактуры, которые пользовались исключительно детским трудом, не применяя другой рабочей силы.

Когда же технология машинного производства позволила расширить сферу приложения детского труда, наниматели не преминули воспользоваться представившейся возможностью, тем более, что власти это поощряли, а родители мирились — чаще из-за нищеты, а подчас и в силу сложившихся традиций. Высокая доля детского труда характерна для всех стран, вставших на путь фабричной организации промышленности. В 1839 г. 46% фабричных рабочих Великобритании не достигли 18-летнего возраста[17]. В это число входили и совершенно малолетние дети. Официально признавалось: “Бывают случаи, что дети начинают работать с 4-х лет, иногда с 5, 6, 7 и 8 лет в рудниках”[18]. В 1840 г. правительственная комиссия парламента Великобритании признала вопиющими условия труда малолетних детей: их привязывали к угольным тележкам, чтобы пройти по узким проходам шахты[19]. В Бельгии на главной прядильной фабрике Брабанта по данным за 1843 г. трудились 318 рабочих, в число которых входили 26 детей от 9 до 12 лет. На тюлевой фабрике этого города было 70 рабочих, в т.ч. 30 девочек в возрасте от 8 до 12 лет. Прядильные фабрики г. Акоста принимали даже семилетних детей, в Монсе поступали точно так же. Уже тогда местная торговая палата считала это злоупотреблением[20]. В 1840 г. во французском департаменте Нор на различных фабриках работали 11114 детей в возрасте от 4 до 12 лет[21]. К концу XIX в. в европейских странах количество несовершеннолетних фабричных рабочих не стало меньше. Ситуация в США была аналогичной. Здесь в 1900 г. число работающих детей в возрасте между 10 и15 годами достигло 1750178 человек[22].

Движение за улучшение условий труда в Европе. Наемный рабочий, утратив старые патриархальные, корпоративные, цеховые связи, оказался без

[16] Кулишер И. М. История экономического быта Западной Европы. М.; Л. 1931. Т.2. С.156.
[17] Подсч. по: Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 9 т. М., 1984. Т.1. С.350.
[18] Ностиц Г. Рабочий класс Англии в XIX столетии. М., 1902. С.334.
[19] Трагер Дж. Великие женщины. Хроника. События. Факты. С.253.
[20] Шлепнер Б. С. Сто лет социальной истории Бельгии М., 1959. С.29.
[21] Потемкин Ф. В. Промышленная революция во Франции. М., 1971. Т.2. С.13.
[22] Зубок Л. И. Очерки истории рабочего движения в США. 1865—1918. М., 1962. С.23.

какой бы то ни было экономической, социальной и нравственной опоры перед произволом фабрикантов. Каждый отдельный работник индивидуальным прекращением работы не был в состоянии оказать давление на предпринимателя, поскольку не составляло труда поставить на его место другого, и лишь коллективное выступление могло стать результативным в силу невозможности в короткий срок найти замену всему составу фабрики. Для женщин-работниц и на первых порах, и в последующем первоочередной задачей оставалось достижение более благоприятных условий работы, именно в этом направлении разворачивалась их борьба. Стремление к защите своих интересов неизбежно подводило их к осознанию необходимости объединения, и забастовка в этом отношении стала начальной формой временной самоорганизации, сначала освоенной мужчинами-рабочими, а затем и женщинами. Из стачки со временем возникнут постоянные рабочие ассоциации — профессиональные союзы.

На протяжении XIX — начала XX вв. рабочие постоянно выдвигали экономические требования, добиваясь ограничения женского и детского труда, улучшения жилищных условий, социального страхования. Один из доминирующих мотивов стачек состоял в стремлении гарантировать минимум и увеличить размер заработной платы, обеспечить своевременную ее выплату, повышение расценок по сверхурочным работам, отмену штрафов и всякого рода произвольных удержаний. Повышение оплаты труда было важнейшей целью 95,5% стачек, проведенных рабочими Германии в 1899—1914 гг.[23] Другие страны в этом отношении не составляли исключения.

Причиной стачек могла стать неустроенность быта. В 1909—1910 гг. в Южном Уэльсе разразилась крупная шахтерская забастовка под влиянием жен шахтеров. Введение 8-часового рабочего дня побудило владельцев шахт ввести несколько смен. Поскольку мужьям и сыновьям редко удавалось попасть в одну смену, женам пришлось готовить обед в разное время. Недовольные этим, они инициировали стачку, в которой и сами играли активную роль: преследовали штрейкбрехеров, забрасывали полицейских камнями, били окна контор и т.п.[24]

Еще одна задача стачек состояла в том, чтобы принудить нанимателей сократить продолжительность рабочего дня, не нарушать время обеденных перерывов, гарантировать отдых по церковным праздникам и воскресеньям. В 20—40-х гг. XIX в. рабочий день на английских фабриках начинался в 5 часов утра и заканчивался в 7—8 часов вечера. За вычетом трех перерывов для приема пищи (1 час на обед и по 20—30 минут на завтрак и ужин) он длился 12—13 часов. Во Франции многие бумагопрядильные фабрики в 40-х годах установили рабочий день в пределах от 13,5 до 15 часов, а некоторые из них даже 17 часов в сутки, из которых на отдых выделялось по получасу три раза за смену. Распространенной становилась работа по воскресным дням. Рабочий день был одинаков для мужчин, женщин и детей. Отпуска никому не предоставлялись.

---

[23] Подсч. по: Там же. С.76.

[24] Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII—XX вв.). М., 1997. С.175.

Поначалу рабочие соглашались на 12 часов работы в день и лишь со временем начали добиваться ее сокращения. В Англии движение за 10-часовой рабочий день уже в 1830 г. охватило рабочих всех фабричных районов страны, а прядильщики хлопка намеревались начать 1 марта 1834 г. всеобщую забастовку с намерением заставить предпринимателей ввести 8-часовую работу. С 80-х гг. это требование стало одним из главных в забастовочном движении европейских стран. Пролетариат через стачки стремился отвоевать право на полноценный отдых за счет сокращения рабочего времени. Не сразу эта борьба привела к реальному результату, но последовательно подтачивала сопротивление буржуазии и правительств, пока не вынудила их к законодательной регламентации трудовых отношений. Характер женского и особенно детского труда, который стали признавать опасным для физического и умственного развития, постепенно стал вызывать обеспокоенность в обществе.

Английские фабричные законы. Началом английского фабричного законодательства, регулировавшего детский труд, считают закон 1802 г.[25] За ним последовал ряд других, принятых в 1816, 1819, 1833, 1842, 1844 гг. Закон 1844 г. впервые признал необходимость защиты труда женщин старше 18 лет, для которых установили такие же нормы рабочего времени, какие применялись в отношении подростков. Следующие парламентские акты (1847, 1850, 1853 гг.), вводя определенные ограничения, касались только текстильной промышленности. Перелом наступил в 1860—1864 гг., когда сферу применения фабричного законодательства расширили за счет отраслей с господством ручного труда: белильного, красильного, кружевного, чулочного производств, гончарных, спичечных, обойных, патронных фабрик, горных предприятий, пекарного и трубочистного промыслов. Венцом фабричного законодательства той эпохи явился закон 1867 г., распространивший охрану труда на металлургические, машиностроительные и бумажные фабрики, а равно на все предприятия с числом рабочих более 50, если они были заняты на работе не менее 100 дней в году.

Что касается содержания фабричного законодательства, то в Великобритании его развитие на протяжении 1802—1867 гг. привело к регулированию трудовых отношений, которое обеспечивало защиту трудовых прав в следующих пределах:

- Охрана труда распространялась на все предприятия с числом рабочих свыше 50. Этим был реализован новый принцип, который исходил из необходимости охраны любого труда, независимо от характера производства.
- Рабочий день подростков 13—18 лет и женщин старше 18 лет устанавливался в 10,5 часов в первые 5 дней недели и 7,5 часов в субботу при том, что работа должна совершаться с 6 часов утра до 6 часов вечера с перерывами для еды в 1,5 часа, которые должны предоставляться всем рабочим в одно время. Не допускался ночной труд.

---

[25] Строго говоря, самый первый шаг в сфере охраны детского труда был сделан в 1747 и 1792 гг., когда мировым судьям предоставили право отнимать учеников у тех мастеров, которые плохо с ними обращались.

• На фабрики могли принимать детей с 9-летнего возраста. Рабочий день малолетних рабочих 9—13 лет устанавливался в 6,5 часов, причем запрещался детский труд до начала и вечером после окончания работы подростков и женщин; естественно, дети не могли работать ночью. Все они были обязаны ежедневно не менее 2 часов обучаться в школе.

• Учреждалась фабричная инспекция с правом контроля предпринимателей и привлечения их к ответственности за нарушение фабричных законов.

При всей ограниченности и недостаточности фабричного законодательства его роль как средства защиты физических и духовных сил рабочих заслуживает позитивной оценки. Были созданы прецедент и база последующего расширения трудовых прав, их распространения на новые группы трудящихся. Однако этот процесс шел медленно и нелегко. Лишь в 1908 г. либеральное правительство Асквита обеспечило принятие парламентом билля об ограничении времени работы горняков под землей, включая спуск и подъем, 8 часами, а сверхурочные — 60 днями в году. Для остальных рабочих 8-часовой рабочий день официальное признание получил после Первой мировой войны.

Фабричные законы во Франции. Во второй половине 1830-х гг. в стране провели обследование условий труда. Выявленное им физическое и моральное состояние рабочих было столь обескураживающим, что не оставалось ничего другого, как принять в 1841 г. специальный закон, ставший первым во Франции документом, сокращавшим в промышленности продолжительность рабочего дня детей и подростков. Однако фабриканты проигнорировали его под предлогом, что во многих производствах взрослый рабочий не может обойтись без помощи малолетних, а значит, рабочий день для всех категорий занятых на фабрике должен быть одинаковым.

Подъем рабочего движения в дни февральской революции 1848 г. вынудил пойти навстречу требованиям рабочих. По предложению Люксембургской комиссии Временное правительство 2 марта 1848 г. приняло декрет, который уменьшил продолжительность рабочего дня до 10 часов в Париже и до 11 часов в провинции. Поражение Июньского восстания парижского пролетариата привело к откату социальной политики: правительство Кавеньяка 9 сентября 1848 г. расширило границы рабочего времени до 12 часов, причем из этого правила допускалось множество исключений. В жизни этот декрет выполнялся столь же мало, как и закон 1841 г.

В последующие годы при всех политических режимах (Второй империи, Третьей республики) фабричное законодательство характеризовалось крайней робостью. Декреты 1851 и 1864 гг. давали возможность вновь увеличить дневное рабочее время в некоторых отраслях промышленности. В 1874 г. признали возраст в 10 лет как минимальный для приема на работу и уменьшили продолжительность детского рабочего дня до 6 часов. В 1892 г. был принят и с 1 января 1893 г. вступил в силу “Закон о труде детей, девушек и женщин на промышленных предприятиях”, действие которого распространялось на все виды производства и строительства. В соответствии с ним разрешалось принимать на работу детей с 12 лет, если они получили свидетельство о начальном

образовании, и с 13 лет — без такового. Рабочий день рабочих и работниц, не достигших 18 лет, а также женщин определялся в 11 часов в день с обязательным одним или несколькими перерывами на отдых продолжительностью не менее 1 часа. Запрещалось использование детей, несовершеннолетних девушек и женщин на ночных работах, а также в шахтах, рудниках и карьерах. Не допускалось принуждать женщин любого возраста, детей и подростков до 18 лет работать более 6 дней в неделю. Без всякой регламентации труда оставались совершеннолетние рабочие-мужчины. Только в июне 1905 г. появился закон, установивший для горняков, занятых на подземных разработках, 9-часовой рабочий день. В следующем году парламент законодательно потребовал обязательного предоставления наемным работникам/цам одного выходного дня в неделю.

Германские фабричные законы. И в государствах Германии фабричное законодательство берет начало с регламентации детского труда. Два прусских государственных института выступили наиболее решительно за его ограничение. Один из них — школа, которая с точки зрения воспитания и культурных потребностей населения высказалась за то, чтобы дети до определенного возраста проходили школьное обучение, а следовательно, в это время не допускались к работе на фабриках. Вторым поборником ограничения детского труда выступило военное ведомство, обеспокоенное недобором в армию, который связывался с ранним вовлечением детей в производство. Им противостояли промышленники и сами рабочие, боявшиеся, что лишатся необходимого подспорья — заработка детей.

Возобладали сторонники регламентации, и Пруссия в 1839 г. ввела закон, разрешавший прием на фабрики и рудники 9-летних детей и установивший для подростков максимальный 10-часовой рабочий день. Однако он почти не применялся. Практическое значение получил закон 1853 г., допускавший детей к работе с 12 лет и сокративший рабочее время 12—14-летних рабочих до 6 часов в сутки. Этот закон оказался более действенным ввиду учреждения фабричной инспекции, хотя поначалу и малочисленной, но представлявшей некоторую сдерживавшую произвол силу.

Законы, в определенной мере защищавшие интересы детей, появились и в других германских государствах (в Баварии, Вюртемберге, Саксонии). Они оказались более умеренными, чем даже до предела ограниченный прусский. Труд малолетних рабочих разрешили с 10, а не с 12 лет, рабочий день подростков установили в 9—10 часов, а не в 6, как в Пруссии. Прусский фабричный закон распространили на всю территорию Германии только в 1869—1871 гг. С крайней медлительностью решались социальные проблемы и с образованием Германской империи, власти которой лишь в 1891 г. законодательно запретили работу детей до 13 лет. Понадобилось 38 лет, чтобы повысить всего на один год возраст детей, допускавшихся к работе в промышленности.

Тогда же, в 1891 г., установили запрет на подземные и ночные работы женщин и ввели обязательный воскресный отдых для всех рабочих и служащих.

Европейские международные конференции по охране труда. Законодательная регламентация труда, достигнутая к исходу XIX в., смягчала крайние формы эксплуатации детей и женщин и практически не защищала интересы рабочих-мужчин. В то же время острота социального вопроса побуждала властные структуры озаботиться изысканием способов сохранения гражданского мира в своих странах. В 1890 г. германский император Вильгельм II обратился к главам других государств с предложением созвать конференцию по охране труда. Она состоялась в марте 1890 г. в Берлине с участием Германии, Великобритании, Франции, Италии, Бельгии, Нидерландов, Австро-Венгрии, Швейцарии, Испании и Португалии.

Конференция признала желательным запрещение труда детей до 12, а в южных странах — до 10 лет, установление для детей до 14 лет 6-часовой и от 14 до 16 лет — 10-часовой работы. Посчитали необходимым, чтобы дети до поступления на производство получили начальное образование. Решили рекомендовать введение для женщин рабочего дня не более 11 часов, а также предоставления им месячного послеродового отпуска. Признали недопустимой работу женщин и детей по воскресеньям и ночью. Относительно взрослых мужчин посчитали достаточным предоставлять им воскресный отдых. Согласились с тем, что контроль за охраной труда должны осуществлять лица, независимые как от предпринимателей, так и рабочих.

Десять лет спустя, в 1900 г., в Париже был образован международный союз охраны труда, который провел ряд международных конгрессов с целью выработать единые рекомендации по трудовому законодательству. После окончания Первой мировой войны, в 1919 г., в составе Лиги наций возникла Международная организация труда. Таким образом именно в XIX веке было положено начало законодательному регулированию труда детей и взрослых рабочих и работниц.

Движение за улучшение условий труда в США. В США пути, методы и условия инкорпорирования женщин в производственную сферу принципиально не отличались от европейских. В этой стране, например, одним из первых фабричных городов был Лоуэлл в штате Массачусетс, ставший крупным центром текстильной промышленности. Здесь заводчики с 1823 г. рекрутировали молодых незамужних женщин для 6 текстильных предприятий. Работа на фабриках была сегрегирована по полу: мужчины работали надзирателями и квалифицированными механиками, а женщины обслуживали прядильные и ткацкие станки. Зарплата работниц варьировалась от 1/3 до 1/2 заработка мужчин — во всех случаях ниже, чем у самого низко оплачиваемого мужчины[26]. И десятилетия спустя положение работавших женщин не улучшилось. В 1888 г. Леонора Барри, председатель комитета женщин, созданного в составе профессионального союза "Орден рыцарей труда", сообщила: средняя зарплата работницы текстильной фабрике компании Патерсон составляет от 2,5 до 3 долларов за 84 часа работы. "Женщины стоят на каменном сыром полу,

[26] Kerber Linda K., De Hart Jane Sheron (Eds.) Women's America. Refocusing the Past. Fifth Edition. New York, Oxford: Oxford University Press, 2000. P.157.

положение работниц плачевно. От вращающегося цилиндра на них постоянно льется вода. И очень часто им приходится возвращаться домой в мокрой одежде"[27]. Возможно, это крайний случай, но и обобщенные данные по промышленности США свидетельствуют об экономической дискриминации женщин: в 1900 г. их средняя недельная плата составляла 6,17 доллара против 11,16 у мужчин, т.е. почти в 2 раза меньше[28].

Работницы в США постепенно не только осваивали новую для себя работу, но и учились добиваться лучших условий жизни и труда. Самая первая их забастовка прошла в 1823 г. в Нью-Йорке: с требованием повысить заработную плату выступили портнихи швейных предприятий. 29 мая следующего года впервые состоялась совместная забастовка рабочих и работниц швейного предприятия Паутикет. В 1828 г. провели забастовку работницы текстильной фабрики в Дувре (штат Нью-Гемпшир), возмущенные произволом хозяев, которые ввели штрафы за опоздания в 12,5 центов, составлявшие треть дневного заработка, и запретили разговаривать во время работы, если только это не относилось к производству[29].

Владельцы хлопкопрядильных фабрик в Лоуэлле, важнейшем центре текстильной промышленности штата Массачусетс, на экономический спад 1830-х гг. ответили установлением более жесткой дисциплины, увольнением тех, кто отказывался подчиняться, занесением в черные списки рабочих, разрывавших годовые контракты, сокращением расходов и снижением зарплаты женщин на 15%[30]. В связи с этим в 1834 г. работницы Лоуэла объявили первую в этом городе забастовку. К ним присоединились 800 работниц Дувра. И хотя эта попытка сопротивления закончилась ничем, она послужила уроком для более успешных выступлений в будущем[31]. В 1836 г. работницы ткацкой фабрики в Лоуэле объявили забастовку во второй раз: 1500 женщин вышли на улицы в знак протеста против падения зарплаты и увеличения рабочих часов[32]. В одном из их манифестов заявлялось: "Как наши отцы сопротивлялись высокомерной жадности британских правителей, так и мы, их дочери, не будем носить приготовленное для нас ярмо"[33]. Маршируя по городу, женщины пели песню: "О, я не могу быть рабыней; я не буду рабыней! О, я так люблю свободу, я не буду рабыней!" Забастовка получила широкий общественный резонанс[34].

В 40-х гг. XIX в. движение за установление 10-часового рабочего дня возглавила Рабочая ассоциация Новой Англии, возникшая в конце 1844 г. В ней главную роль играли работницы текстильных фабрик, создавшие первые союзы фабричных работниц. Созданная в Лоуэлле "Женская рабочая ассоциация за реформы" организовала в 1844 г. новое выступление. Ее руководители во главе с

---

[27]Трагер Дж. Великие женщины. Хроника. События. Факты. С.296.
[28]Бебель А. Женщина и социализм. С.275.
[29] Трагер Дж. Великие женщины. Хроника. События. Факты. С.235, 240.
[30] Kerber Linda K., De Hart Jane Sheron (Eds.) Women's America. Refocusing the Past. P.157.
[31] Трагер Дж. Великие женщины. Хроника. События. Факты. С.246.
[32] Kerber Linda K., De Hart Jane Sheron (Eds.) Women's America. Refocusing the Past. P.157.
[33] Dublin Thomas. Women at Work. New York: Columbia University Press, 1979. P.98.
[34] Трагер Дж. Великие женщины. Хроника. События. Факты. С.247.

Сарой Багли потребовали организации первых в истории США публичных слушаний по вопросу об условиях работы в промышленности[35]. В законодательные органы штатов направлялись петиции с требованием официального установления 10-часового рабочего дня. В 1847 г. штат Нью-Гемпшир, а в 1848 г. штаты Пенсильвания и Мэн приняли соответствующие законы. Их главным изъяном было отсутствие обязательных и безоговорочных предписаний, обязывавших предпринимателей вводить 10-часовой рабочий день.

Это делало неизбежным продолжение борьбы за улучшение условий труда. Забастовки, еще в 1820-е гг. бывшие исключением, становились все более освоенной формой сопротивления. Движение за сокращение рабочего дня не остановилось на требовании 10-часового рабочего дня. Еще в 1863 г. начались организованные кампании за установление 8-часовой работы. Их результатом было принятие федерального закона о 8-часовом рабочем дне. Но генеральный прокурор, а затем и Верховный суд постановили, что закон не должен распространяться на предприятия, работавшие по правительственным контрактам. Закон был парализован. Это привело к дальнейшему нарастанию движения рабочих, кульминацией которого стали чикагские события 1886 г. К концу века количество выступлений, в том числе с участием женщин, нарастало. С 1895 по 1904 г. американские работницы бастовали 1262 раза, а 83 стачки были проведены исключительно женщинами[36].

Массовые выступления женщин все больше заставляли считаться с их требованиями. В 1868 г. Национальный рабочий союз США созвал конгресс, на котором присутствовали представительницы трудящихся женщин Америки. В одной из резолюций конгресс рекомендовал женщинам "идти на работу, изучать производство, присоединиться к нашим рабочим союзам и формировать свои собственные союзы защиты, а также использовать любое честное средство, чтобы убедить или принудить предпринимателей быть справедливыми по отношению к работницам, выплачивая им равную заработную плату за равный труд"[37]. Впервые в истории США национальная рабочая федерация проголосовала за принцип равной оплаты. Тогда же был учрежден пост национального организатора по делам трудящихся женщин, на который избирали Кейт Меллейни. Она на протяжении нескольких лет возглавляла стачечное движение работниц, требовавших улучшения условий труда и повышения заработной платы. В том же 1868 г. в США по инициативе суфражистки Элизабет Стэнтон и профсоюзных активистов была создана Ассоциация трудящихся женщин. Через год в Линне (штат Массачусетс) прошел учредительный съезд по созданию Национальной организации трудящихся женщин под названием "Дочери святого Криспина"[38]. Попытки консолидировать женское движение за улучшение условий труда предпринимались и в последующие годы. В 1903 г. женщины из среднего класса, сторонницы прогрессивных реформ, создали Национальную женскую профсоюзную лигу. Председателем Лиги избрали Мэри Кхью, ее заместителем —

---

[35] Kerber Linda K., De Hart Jane Sheron (Eds.) Women's America. Refocusing the Past. P.158.
[36] Трагер Дж. Великие женщины. Хроника. События. Факты. С.313.
[37] Там же. С.277.
[38] Там же. С.279.

Джеймс Адамс. Лига выдвинула три цели: организовать женщин в профсоюзы, проводить в самих профсоюзах разъяснительную работу о допуске женщин в их ряды, добиваться принятия законов об охране труда женщин, минимальной заработной плате и пенсии по старости. Лига, как указывалось в ее уставе, принимала "любое лицо, имеющее решимость оказать помощь уже существующим профсоюзам, среди членов которых есть женщины, а также созданию новых профсоюзов, объединяющих женщин, работающих по найму"[39]. Но значение этой организации ограничилось лишь демонстрацией стремления к переменам в сфере трудовых отношений.

Массовое давление на законодателей имело достаточно скромный результат. Во второй половине 1860-х гг. законодательные органы 6 штатов (Иллинойса, Висконсина, Коннектикута, Миссури, Нью-Йорка, Калифорнии) приняли законы о 8-часовом рабочем дне. Но эти законы содержали многочисленные оговорки, что фактически делало невозможным их использование. Например, закон Висконсина применялся лишь в случае, если не существовало отдельного договора о противоположном. В Иллинойсе установили, что закон вступал в действие при отсутствии противоречившего ему договора. Ни один из принятых штатами законов о 8-часовом рабочем дне не запрещал предлагать контракты, предусматривавшие более длительный рабочий день. Все эти законы не были проведены в жизнь, никаких других попыток законодательно изменить ситуацию долгое время вообще не предпринималось. Немногие из законодательных органов штатов, обладавших прерогативами в сфере регулирования трудовых отношений, были склонны идти на сокращение рабочего времени женщин, как, впрочем, и всех работников. Лишь в 1874 г. законодательное собрание штата Массачусетс приняло закон о 10-часовом рабочем дне для женщин. Его примеру последовал штат Орегон в 1903 г. Более активной была роль местных органов власти. В силу этого средняя продолжительность рабочей недели все же сократилась: с 66 часов в 1870 г. до 54 часов в 1910 г.[40] На федеральном же уровне никаких законов о труде не существовало вплоть до 1930-х гг.

Учительская сфера. Женщины, которые в силу своего социального статуса и имущественного положения не помышляли о фабрике, начали задумываться о том, как вырваться из тесных рамок семьи, найти поле приложения сил вне ее. Представительницы состоятельных, образованных и социально активных кругов притязали не только на то, чтобы отвоевать профессиональные занятия, которые монополизировали мужчины, но стремились добиться гражданского равноправия. В XIX веке в общественное сознание все больше начинает проникать представление о том, что женщины, особенно незамужние, должны приобретать профессию, ибо, как писала английский педагог Барбара Лей Смит в вышедшем в 1856 г. эссе "Женщина и труд", иждивенчество ведет к деградации женщин. Избавление от нее виделось в повышении общего и профессионального образования. Для выходцев из низших слоев общества это была возможность

[39] Там же. С.311.
[40] Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. М., 1976. Т.2. С.64.

содержать себя. Женщины, не нуждавшиеся в заработке, считали необходимым приносить пользу обществу.

Так общество исподволь подводилось к осознанию необходимости профессиональной подготовки, развития женского образования. В этом отношении пример показали США. Здесь в течение 1780—1790-х гг. появилось некоторое количество школ специально для девочек. Они также зачислялись вместе с мальчиками в общественные школы. Результатом стало повышение образовательного уровня девушек, и к середине XIX века он сравнялся с мужским. В связи с основанием большого количества школ в стране возник массовый спрос на учителей. Но поскольку женщинам платили “вдвое, а то и втрое меньше, чем мужчинам”[41], именно их и стали привлекать к преподаванию. Поначалу это были девушки-учителя, имевшими гимназическое образование. Основанную в 1821 г. в городе Троя (штат Нью-Йорк) женскую гимназию к 1872 г. окончили более 12 тыс. выпускниц, которые в основном и составляли контингент женщин-педагогов[42]. В связи с большими потерями мужчин в годы Гражданской войны женщины стали осваивать новые профессии, но и в это время основной рост их по-прежнему происходил в учительской сфере. Во время Гражданской войны и непосредственно после ее окончания сотни тысяч женщин с Севера двинулись на Юг обучать бывших рабов — поступок, который черный историк У. Дюбуа назвал “самым прекрасным мирным сражением XIX века”[43]. Тенденция к увеличению числа женщин в учительской сфере сохранялась на протяжении всего XIX века. К 1869 г. штат Вайоминг официально установил оплату для женщин-учителей наравне с мужчинами. За ним в 1874 г. последовала Калифорния[44]. Учебные заведения для подготовки учительниц учредили по всей стране, а сама эта профессия все больше становилась женской: в 1900 г. более 3/4 всех учителей в стране были женщины[45].

Быстро росло и число женщин-учителей в Великобритании. В мае 1848 г. как следствие волны критических выступлений в адрес правительства, игнорировавшего вопрос об образовании женщин, в Лондоне был открыт первый Королевский колледж, куда принимали девушек с 12 лет. При колледже имелась подготовительная группа для девочек от 9 до 12 лет. Обучение девочек проводилось по широкой программе, включавшей математику, классические дисциплины и спорт[46]. В 1867 г. Жозефина Батлер, Джемима Клаугх и Элизабет Кларк создали Совет содействия высшему образованию женщин. Развитие педагогического образования, в том числе женского, привело к тому, что уже в 1870 г. в числе дипломированных школьных учителей было 6,4 тыс. мужчин и 6 тыс. женщин, причем наметилась отчетливая тенденция к феминизации

---

[41] Эванс С. Рожденная для свободы. История американских женщин. С.77.
[42] Там же. С.77-78.
[43] Degler Carl. Out of Our Past. The Forces That Shaped Modern America. Third Edition. P.209.
[44] Mofford Juliet H. Women in the Workplace // Women's History: Special Collection Issue. Celebrating Women’s History Month. Vol.2. No.1. Spring-Summer. 1996.
[45] Degler Carl. Out of Our Past. The Forces That Shaped Modern America. Third Edition. P. 385.
[46] Трагер Дж. Великие женщины. Хроника. События. Факты. С.258.

учительского труда. В начальных школах должности учителей-стажеров[47] занимали 6 тыс. мужчин и 8 тыс. женщин. Через четверть века ситуация разительно изменилась. В 1895 г. дипломированных учителей насчитывалось: мужчин — 21 тыс. и женщин — 32 тыс., а учителей-стажеров соответственно 7,2 тыс. и 27 тыс., т.е. пропорция дошла до 67,7% в пользу женщин[48]. В последующие годы она возросла еще больше: женщины в 1901 г. составляли 75% школьных учителей[49].

Женское высшее образование. Важным этапом на пути к феминизации интеллектуального труда стало распространение на женщин права на получение высшего образования. Первым в США в 1837 г. провел прием студентов независимо от пола колледж Оберлин в штате Огайо[50]. Такое же решение в 1852 г. принял колледж Антиок того же штата. Постепенно стали открывать двери аудиторий для девушек и государственные университеты: в 1855 г. — штата Айова, в 1870 г. — Мичиганский. В 1873 г. начал прием девушек Корнельский университет (штат Нью-Йорк). К концу XIX века движение за женское образование добилось больших успехов благодаря учреждению женских колледжей. Они были либо полностью самостоятельные, наподобие открытых в 1875 г. и существующих до настоящего времени колледжей Веллесли (штат Массачусетс) и Смит, либо т.н. присоединенные[51]. Последние действовали на автономных началах в составе университетов, которые предоставляли помещения, оборудование и преподавателей. Так были созданы колледжи Барнард при Колумбийском, Радклифф при Гарвардском, Пемброук при Браунском университетах. В ряде женских колледжей учебные планы и образовательные стандарты были подняты до уровня лучших мужских высших учебных заведений. Например, женский колледж Брин Мор предъявлял к студенткам такие же требования, что и Гарвардский университет. В 1881 г. и сам Гарвардский университет открыл прием девушек на общих основаниях. В отличие от старых мужских многие женские колледжи были основаны не на средства религиозных организаций, а на деньги, пришедшие из промышленности и бизнеса. И в сфере образования индустриализация сыграла решающую роль в изменении места женщины внутри американского общества. В результате к 1900 г. женщины составляли пятую часть студентов высших учебных заведений США[52].

В Европе высшее женское образование берет начало в 1860-х гг., когда перед студентками открыл двери Цюрихский университет. Швейцарские высшие

---

[47] Учителями-стажерами назначались на срок до 4-х лет выпускники народных школ после сдачи экзамена повышенного уровня. В течение указанного времени должны были выдержать экзамен за учительскую семинарию.

[48] Ностиц Г. Рабочий класс Англии в девятнадцатом столетии. Из общественной истории нашего времени. М., 1902. С.138.

[49] Фадеева Л. А. “Профессиональный класс” в английской социальной истории XIX в. // Новая и новейшая история. 1998. №4. С.63.

[50] Holmes Madelyn. Women in Education // Women's History: Special Collection Issue. Celebrating Women’s History Month. Vol.2. No.1. Spring-Summer. 1996.

[51] Ibid.

[52] Wheeler Thomas. The History of Higher Education in One-Half Chapter // National Forum of Applied Educational Research Journal. Vol.6. No.2. 1993-94.

учебные заведения быстро стали и лидерами, и международными центрами европейского женского образования. В 1906—1907 учебном году студентки в них, не считая вольнослушательниц, составляли 22,3%, а из их числа на каждую швейцарку приходилось десять иностранок. К концу 60-х гг. женщины получили доступ в высшую школу Франции, в 1870 г. — Швеции, в 1875 г. — Дании. Женщин стали принимать крупнейшие университеты Англии: в 1878 г. Лондонский, в 1881 г. Кембриджский и в 1884 г. Оксфордский[53].

Но женщин в университетах было не так уж и много: во Франции, например, в 1905 г. только 5,8%. В Германии последних десятилетий 19 века, несмотря на усилия руководимой Хелен Ланге Всеобщей германской женской ассоциации, движение женщин за возможность профессионального образования не преодолело укоренившуюся альтернативу — “карьера или замужество”. Модель семьи с мужем-кормильцем и женой-хранительницей очага большинство женщин из буржуазных слоев и рабочего класса рассматривали в качестве идеала. Сами же германские власти и с приходом XX века чинили препятствия женскому образованию. Прусский министр народного просвещения, выступая в 1902 г. перед ландтагом, заявил, имея в виду женщин: “Различия между мужчиной и женщиной, указанные природой и развитые культурой, могут пострадать от посещения гимназий и университетов”[54]. Только 18 августа 1908 г. появился указ, допускавший женщин в качестве полноправных студентов в университеты Пруссии, где до этого времени они могли быть только вольнослушательницами. На всю Германию в 1908 г. приходилось 1077 студенток[55].

Канцелярская работа. Технический прогресс открыл дорогу женщинам к канцелярской работе. В 1867 г. в США появилась первая печатная машинка. С 70-х гг. началось их массовое производство. Редакции газет, деловые конторы, органы управления стали оснащаться “ремингтонами” и “ундервудами”. Работа на них стала чуть ли не монополией женщин. Женщины же взяли на себя и инициативу подготовки соответствующих специалистов. В 1879 в США Мери Фут Сеймор открыла первую школу секретарей-машинисток. Поскольку работа в офисе была чистой и безопасной, женщины из среднего класса рассматривали работу машинистки, бухгалтера и клерка как более предпочтительную по сравнению с трудом на фабрике и стали активно занимать должности конторских служащих. Это привело к тому, что клерки-мужчины уступили им ряд своих функций по ведению делопроизводства и переписке корреспонденции. Большое число женщин, работавших в правительственных офисах в Вашингтоне, вызывало удивление иностранцев. К 1900 г. 75% конторских служащих в стране составили женщины, тогда как в 1870 г. их было только 3%[56].

Женщины в сфере здравоохранения. Медицинская служба милосердия на протяжении большей части XIX в. считалась занятием не для “леди”. Больных из

---

[53] Кареев Н. И. Очерки социально-экономической истории Западной Европы в новейшее время. Птгр., 1923. С.237.
[54] Цит. по: Бебель А. Женщина и социализм. С.319.
[55] Там. же. С.322.
[56] Mofford Juliet H. Women in the Workplace // Women's History: Special Collection Issue. Celebrating Women’s History Month. Vol.2. No.1. Spring-Summer. 1996.

богатых домов обслуживала прислуга под руководством семейного доктора, а общественные госпитали имели репутацию аморальных и антисанитарных заведений. Популярные карикатуры того времени изображали медсестер в виде нетрезвых и невежественных существ. Однако в годы Крымской войны 1853—1856 гг. англичанка Флоренс Найтингейл, которой пришлось преодолеть предубеждение собственной семьи, сумела привлечь к госпитальному делу специально обученных сестер милосердия, придать этому занятию облик серьезной профессии. На фронте солдаты болели тифом, дизентерией, холерой. Нужен был уход за больными и ранеными, и британское командование возложило на Найтингейл организацию сестринской помощи в действовавших частях. Так родилась новая профессия сестры милосердия. Опыт медицинской службы в годы Крымской войны явился решающим аргументом для учреждения в 1861 г. первой официальной женская службы медсестер в английской армии[57]. В последующие годы на их обучение тратили 3 года, после чего выдавали сертификат. Среди медсестер было много образованных женщин из семей священников, офицеров, врачей, торговцев. Социальный статус медсестер стал оцениваться выше, чем гувернанток из богатых домов, хотя зарабатывали они меньше.

В США с началом Гражданской войны 1861—1865 гг. женщины, движимые чувством патриотизма, а подчас и ради заработка, шли на фронт врачами и медицинскими сестрами. С ее окончанием работа медицинской сестры стала одним из видов карьеры, открытой для многих женщин, и это стимулировало создание новых школ по подготовке младшего медицинского персонала. Работа, ранее считавшаяся не подобающей для женщин, стала рассматриваться в качестве занятия, которое особенно им соответствует.

Развитие женского образования дало доступ к профессиональным занятиям, о которых раньше женщины не могли и мечтать. Женщины во многих странах стали занимать не только должности младшего медицинского персонала, но и работать врачами. Чтобы добиться этой возможности, им уже во время обучения приходилось преодолевать предубеждение студентов и преподавателей медицинских колледжей. Допущению женщин к профессии врача противились, ссылаясь на то, что их присутствие во врачебном сообществе феминизирует профессию, которая требует исключительно «мужских качеств». К 1858 г. только около 300 из более, чем 18000 выпускников медицинских колледжей США составляли женщины[58]. Ответом на дискриминацию стало создание медицинских колледжей специально для женщин. Первым в их ряду стал в 1848 г. колледж в Бостоне. В 1850 г. член общины квакеров врач Анна Престон открыла женский медицинский колледж в Филадельфии. Эти и другие подобные им учебные заведения помогали женщинам получить профессию, что из-за дискриминации было невозможно в мужских колледжах. Женские колледжи основывали больницы, потому что официальный медицинский истэблишмент не допускал их выпускниц к клинической практике в общественных больницах. В 1857 г.

---

[57] Summer Anne. Angels and Citizens: British Women as Military Nurses. 1854—1914. London. 1988. P.67.

[58] Hudson Patricia L. Women in Medicine // Women's History: Special Collection Issue. Celebrating Women’s History Month. Vol.2. No.1. Spring-Summer. 1996.

Элизабет Блэквелл, за 8 лет до этого первой среди женщин США получившая диплом врача, организовала в Нью-Йорке больницу для женщин и детей, персонал которой состоял только из женщин. В 1862 г. подобную больницу основали сподвижницы Элизабет Блэквелл сестры Эмили и Мэри Закревские в Бостоне[59]. Несмотря на успех отдельных женских медицинских колледжей, женщины продолжали добиваться права быть допущенными в элитные медицинские колледжи — бастионы мужского образования. Сторонницы женского медицинского образования предложили 500 тыс. долларов медицинской школе университета Джонс Хопкинс на условии, что женщины будут допущены в нее на равных с мужчинами условиях. В 1893 г. школа набрала первый совместный класс и вскоре стала национальным лидером в обучении женщин профессии врача[60].

Женщины в сфере интеллектуальной деятельности. Приход женщин в мужские профессии школьным образованием и медициной не ограничивался, постепенно разворачивался процесс освоения таких видов деятельности, которые в глазах общества считались «еще более мужскими». В этой связи следует отметить, что летом 1899 г. большинство избирателей в кантоне Цюриха высказались на референдуме за допущение женщин к адвокатуре. Право заниматься адвокатской практикой женщины получили затем в Австралии, Голландии, Дании, Канаде, России, Финляндии, США. К 1900 г. только в США было более 1000 женщин-юристов.

Вместе с тем имелись такие сектора интеллектуальной сферы, попытки самореализации в которых встретили наибольшие препятствия. Сама эта тема требует специального исследования, выходящего за рамки данной статьи. Но чтобы указать на наличие проблемы, целесообразно хотя бы пунктирно обозначить факты, ставшие уже хрестоматийными. Определяя первый ряд женщин-интеллектуалов, закономерно предположить наличие значительного слоя женщин, деятельность которых в указанной области подготовила почву для прорыва в будущем сначала наиболее одаренных и, главное, настойчивых из них, умевших использовать малейшие шансы, в частности, в научной карьере. Хотя научная деятельность оставалась практически наглухо закрытой для женщин и только необыкновенные способности помогали немногим из них получить место на кафедрах в университетах, выдающиеся женщины добились результатов мирового уровня. Научные достижения француженки Софи Жермен были столь значимы, что Академия наук в 1816 г. присудила ей золотую медаль. Рекомендации английского энтомолога Элеоноры Ормерод, с 1877 г. публиковавшей «Ежегодный доклад о научных исследованиях по вредным насекомым», помогли спасти половину рогатого скота Великобритании. В 1899 г. выдающемуся русскому математику Софье Ковалевской присвоили звание профессора Стокгольмского университета — в России ей места не нашлось. Марию Склодовскую-Кюри, работавшую во Франции, дважды удостоили Нобелевской премии: по физике в 1903 и химии в 1911 г., но на родине так и не

[59] Ibid.
[60] Ibid.

допустили во Французскую академию наук. Если так поступали с корифеями, то как прокладывали себе дорогу женщины — "чернорабочие науки"?

*** *** ***

В XIX в. определение женской политической повестки для рабочих женщин и женщин из среднего класса (в терминологии конца XIX — начала XX вв. — буржуазных женщин) отличалось. Пролетарок прежде всего объединяли экономические требования (повышение заработной платы, нормирование труда, ограничение рабочего дня и т.д.), осознание необходимости равных избирательных прав пришло значительно позже: лишь в 1907 г. на первой международной конференции социалисток в Штутгарте был включен в повестку вопрос об избирательном праве для женщин. Что касается женщин из среднего класса (причем в США белых женщин), традиционно не работавших, то первым требованием, которое они выдвинули и на котором сфокусировали свои движения, было достижение политических, в частности избирательных, прав. Более того, антагонизм между женщинами из разных социальных слоев выливался в нелицеприятные замечания по поводу целей каждого из них. Квинтэссенцию этих разногласий выразила Александра Коллонтай, широко известная своей непримиримой позицией в отношении "буржуазных" феминисток: «женский вопрос, — говорят феминистки, — это вопрос права и справедливости. Женский вопрос, — отвечают пролетарки, — это вопрос "куска хлеба". Женский вопрос и женское движение, убеждают нас буржуазные женщины, возникло тогда, когда сознательный авангард борцов за женскую эмансипацию выступил открыто на защиту попираемых прав и интересов. Женский вопрос, отвечают пролетарки, возник тогда, когда миллионы женщин … оказались выброшенными на трудовой рынок, когда послушно спеша на унылый призыв фабричного гудка, миллионы женщин стали толпиться у фабричных ворот, перехватывая заработок у своих собственных мужей и отцов»[61].

С позиций сегодняшнего дня очевидно, что в споре социалистических и «буржуазных» феминисток не было правых и неправых. Требования женщин из разных слоев общества формулировались под влиянием разных жизненных потребностей. Те, для кого труд являлся источником существования и «куска хлеба», требовали урегулировать трудовые отношения: они тяготели к социалистам с их критикой несправедливостей экономической системы капитализма. Те же, кто в силу принадлежности к среднему классу могли рассматривать работу не в качестве тяжкой необходимости, а как сферу приложения творческих сил и служения обществу, объявляли «войну» политическому и гражданскому бесправию женщин, объединяясь под знаменами суфражизма.

[61] Коллонтай А.М. Женщина-работница в современном обществе // Айвазова С. Русские женщины в лабиринте равноправия. Очерки политической истории и теории. Документальные материалы. М., 1998. С.239.